

ПРЕЗИДЕНТСКИЙ
СПЕЦНАЗ

Александр
ТАМОНИКОВ

ВЫЗЫВАЮ ОГОНЬ НА СЕБЯ

Александр Александрович Тамоников

Вызываю огонь на себя

**Серия «Президентский
спецназ: новый Афган»**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21536033

Вызываю огонь на себя: Эксмо; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-91184-4

Аннотация

На юге Афганистана действует группировка радикальных исламистов «Фронт возрождения». В горах в условиях строгой секретности идет строительство складов для оружия и боеприпасов. Испытывая острую нехватку в рабочей силе, бандиты нападают на торговый караван и захватывают в плен мужчин местного племени хату. Вождь хатуитов обращается за помощью к российскому атташе в Кабуле Сомову. Для освобождения пленников и уничтожения базы террористов срочно формируется группа российского спецназа под командованием майора Скоробогатова. Бойцы понимают: действовать придется против банды полных отмороzków, которые умеют только убивать и делают это профессионально...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	45
Глава третья	81
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Александр Тамоников

Вызываю огонь на себя

© Тамоников А. А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

*Все изложенное в книге является плодом
авторского воображения. Всякие совпадения
случайны и непреднамеренны.*

А. Тамоников

Глава первая

Сирия. Провинция (мутафаза) Хомс, район древней Пальмиры, март

На командно-наблюдательном пункте отдельной штурмовой роты, закрепившейся в ходе наступления сирийской армии, находился командир подразделения капитан Адан Сабир, его заместитель старший лейтенант Юнис Маджид и российский военный советник капитан Юрий Волченков. Связист роты сварил кофе. Офицеры наслаждались ароматным напитком, обсуждали создавшееся положение. Говорили все на русском, так как и Сабир, и Маджид обучались в военно-учебных заведениях России.

– Уперлись мы в этот проклятый хребет, – проговорил ротный, – а как все шло гладко до сих пор! Да, наступали медленно, но за сутки проходили десять-пятнадцать километров. Освободили Эр-Катур, Саар и заняли эту высоту, за ночь выбив радикалов, и вот на тебе, встали.

Заместитель кивнул:

– Да. А до Пальмиры осталось всего ничего. Одно успокаивает: обе бригады приостановили наступательные действия, не мы одни.

Российский капитан, поставив на складной столик пустую чашку, сказал:

– Так этого, господа офицеры, и следовало ожидать.

Сирийцы посмотрели на него.

– В смысле? – спросил ротный.

– Будем говорить о роте, а не о всех силах, брошенных на Пальмиру. Посмотри на карту, Адан.

Сабир убрал чашку, протер полотенцем столик, разложил полевую карту:

– Ну и что? Вижу нашу высоту Астара, хребет Умгдум, куда отошли боевики, развалины деревни перед ним, Черный холм недалеко от восточного прохода, долину, изрезанную балками и оврагами.

– Сколько километров от выступа Астара до хребта? – задал вопрос Волченков.

Сирийский капитан провел курвиметром по карте, выдал:

– По прямой пять тысяч семьсот метров. Но не вижу связи с основным наступлением и отступлением игиловцев.

– Между тем она прямая и очевидная. Рота взяла позиции боевиков на высоте и возле нее за четыре часа. Ты где-нибудь еще видел, чтобы игиловцы так быстро сдавали свои позиции?

– Я считаю, что мы их вынудили отступить.

– Ротой, пусть и усиленной танковым и минометным взводами и подразделением иранцев? Ротой, у которой семь БМП-2, четыре танка, четыре полевых миномета и в общей сложности сто пятьдесят два человека, выбили отряд игиловцев «Куфир» численностью в двести боевиков? Отряд, по данным сирийской разведки, подтвержденным нашими спе-

циалистами, имеющий на отделение по пикапу, девять танков «Т-62» и минометную батарею, вооруженную американскими «М-120»? При чем отряд, занимавший оборону. Ведь тебя же учили в России, что для успешного проведения наступления необходимо как минимум трехкратное преимущество в живой силе и технике. Мы преимуществ, кроме БМП, не имели, а по личному составу, минометам и танкам заметно уступали обороняющимся.

– Что ты хочешь этим сказать, Юра?

– То, Адан, что боевики не имели целью любой ценой удерживать высоту Астара и прилегающий к ней рубеж. Они сдали его, отойдя организованно и быстро на заранее подготовленные позиции на участке между Умгдумом и развалинами деревень, поближе к поселку Тара, где, как известно, находится штаб командующего боевиками юго-западного направления Фераза аль-Ахдара. И теперь террористы могут сдерживать нас с позиций на хребте, что, впрочем, успешно и делают.

Сириец прикурил сигарету:

– Возможно, боевики и провели организованный отход, но сейчас для ИГИЛ любая оставленная деревня, любая высота – большая потеря.

– В глазах спонсоров?

– Вообще. Как только в Сирию пришли военно-космические силы России, мощь террористов значительно снизилась. Они лишились баз снабжения, складов с боеприпасами,

командных пунктов. Крупные базы понесли серьезные потери, резко упали доходы от контрабанды нефти. Все больше небольших отрядов, которые раньше воевали против нас, выходят из войны, а некоторые поворачивают оружие против самого ИГИЛ.

– Это, мой друг, не значит, что боевики будут теперь умирать за каждый метр подконтрольной территории. В нашем случае они поступили тактически грамотно, да и чему тут удивляться, ведь у ИГИЛ командиры подразделений в большинстве случаев – офицеры армии свергнутого американцами Саддама Хусейна. А те проходили учебу в тех же вузах России и Советского Союза, что и мы с вами. Кроме того, у них большой опыт противодействия войскам западной коалиции. Смотри, Адан, почему мы не можем не только наступать, но и чувствовать себя относительно спокойно на уже занятых позициях? Какую имеют дальность стрельбы американские минометы «М-120»?

– Где-то семь километров, – ответил заместитель.

Волченков поправил молодого старшего лейтенанта:

– До семи тысяч двухсот метров, а при использовании активно-реактивных мин – до десяти с половиной километров. Не думаю, что у игиловцев есть «АРМы», но даже обычными минами они без проблем могут долбить нас, выведя батарею за Черную высоту. Да, танки «Т-62» – хорошие машины, но имеют стопятнадцатимиллиметровую пушку и дальность стрельбы только до шести километров. Но это компен-

сируется минометами. У нас же российские полевые минометы «ПМ-120» бьют максимум на пять тысяч семьсот метров, значит, в состоянии накрыть лишь передовые подразделения отряда «Куфир». Но командир отряда Самер аль-Диаб, в прошлом ротный в Иране, – далеко не идиот. Он не будет подставлять своих людей и отведет их к развалинам. И свои «Т-62» в нужное время переместить сможет. Однако не будем отвлекаться на тактические возможности боевиков. Главное, что мы не можем ни наступать, ни наносить противнику сколь-нибудь значительный урон. Контратаковать игилловцы, похоже, не собираются, значит, в состоянии удерживать наши силы. Вот такая связь между расстоянием и позициями.

Старший лейтенант Маджид воскликнул:

– Но мы не можем топтаться на месте! Боевой дух поднимается при достижении успеха, в позиционных боях он ослабевает.

– Боишься, что твои бойцы разойдутся по домам? Благо населенные пункты, откуда родом большинство этих солдат, уже восстанавливаются после войны.

– Никто никуда не уйдет, – хлопнул ладонью по столу Сабир, – в худшие времена дрались, а сейчас тем более. Но с боевым духом Юнис прав. Мы же должны что-то предпринимать.

– У тебя есть командование, запроси порядок дальнейших действий, – улыбнулся Волченков, – может, умные штабные

головы что-то дельное и подскажут.

– С умными штабными головами, как ты, Юра, выразился, я уже говорил, я хочу узнать твое мнение. Ведь ты же мой советник. Что посоветуешь, капитан?

– А что тебе подсказали в штабе бригады?

– Не подсказали, приказали – развивать наступление. А как его развивать в сложившейся обстановке?

Волченков тоже закурил, старшему лейтенанту пришлось откинуть полы брезента, чтобы из каменистого бункера выходил дым.

– Как развивать? А черт его знает, Адан! Не надо было останавливаться здесь, а пройти дальше, еще километра на три и не прямо, а забирая к Черному холму, продвигаясь по балкам. На высоте же можно было организовать просто наблюдательный пункт, здесь же держать технику, чтобы ее не пожгли в долине.

– Ты считаешь, нам изначально неправильно была поставлена задача?

– Я этого не говорил, Адан, но разумнее было бы прорываться к восточному проходу и за ним занимать плацдарм. Вот тогда к нам точно бросили бы пару батальонов, развивать дальнейшее наступление на высоту Джатель и поселок Тара, и это заставило бы игиловцев не отходить, а бежать.

– Еще если русские самолеты помогли бы, да? Но основную часть ВВС вдруг ни с того ни с сего ваше руководство решило вывести. И это накануне основных сражений.

Волченков стряхнул пепел в банку из-под тушенки, заменившую пепельницу:

– Адан, ты же не дилетант и прекрасно понимаешь: главная задача той группировки, что стояла здесь раньше, я имею в виду авиационную группировку, полностью выполнена. Не дело штурмовиков и бомбардировщиков гоняться за отдельными машинами и мелкими группами боевиков. А для воздушной поддержки общего наступления самолетов осталось достаточно. Не забывай и о крылатых ракетах морского базирования.

– Так почему, черт возьми, подступы к Пальмире не отрабатывают ни авиацией, ни крылатыми ракетами?

Российский капитан ответил просто:

– Потому, Адан, что здесь Пальмира. Ее не смогли разрушить ни время, ни варвары из ИГИЛ. Ты хочешь, чтобы Пальмиру разрушила российская авиация? И потом, командование наступательными силами не хуже нас знает обстановку вокруг древнего города и если не применяет авиацию, то, значит, для этого есть веские причины.

– А мы должны наступать под огнем боевиков?

– Наступать в прямом смысле глупо. Даже преступно. Но продвигаться вперед надо. Ты же решил выслать ночью в долину два усиленных отделения взвода лейтенанта Басара? Вот только почему-то мне об этом ни словом не обмолвился.

Сабир взглянул на Маджида:

– Ты?

Тот поднял ладони:

– Клянусь, нет.

– Откуда узнал, Юра? – повернулся к Волченкову командир роты. – Или завел среди бойцов, как это у вас говорится, осведомителя?

– Эх, Адан, правильно говорят: век живи, век учись. Предлагаю тебе еще раз взглянуть на карту.

– А, черт, – ругнулся ротный, – я же нанес на нее всю информацию.

– А говоришь: осведомитель. Мне это, Адан, не надо.

– Извини, друг. Сам понимаешь – нервы!

– Да ладно, проехали. Скажи, чего ты хочешь добиться этим ночным рейдом?

– Того, о чем говорил ты: продвинуться вперед и закрепиться хотя бы в балках.

– Малый плацдарм?

– Почему нет? Должен же я приказ выполнять? Считаешь решение неверным?

– Я бы, Адан, сосредоточил внимание на Черном холме. Туда бы следовало перебросить сводный отряд. Под сводным я подразумеваю один из твоих взводов и отделение взвода капитана Давари.

– Что бы это дало? Уничтожение передового взвода огнем боевиков?

– Уничтожение минометной батареи террористов, капитан. Я же сказал, скрытно перебросить. Занять позиции, бла-

го там можно подняться на вершину, она представляет собой площадку, где свободно разместятся человек тридцать. Там же легко замаскировать бойцов, рельеф неровный, маскировочная сеть подошла бы идеально. И когда взвод оказался бы на высоте или рядом с ней, дожидаться выхода минометной батареи. Скажем, имитировать попытку подхода роты к балкам. Глядишь, аль-Диаб не только минометы вывел бы из-за хребта, но и пару-тройку «Т-62» послал бы в развалины. Дальше продолжать?

Капитан Сабир отрицательно покачал головой, вздохнул:

– Не надо! Я понял тебя. И ты прав. Но до Черного холма по прямой пять километров, а если учитывать рельеф, то и все шесть выйдет. В случае обнаружения взводу не отойти. До балок же от пятисот до семисот метров. Хотя твое предложение я обязательно доведу до командования.

– Ты сначала сам все хорошо продумай.

– Я подумаю. Еще кофе?

– Меня уже тошнит от него. И чего вы в него всякие пряности кладете?

– Э-э, к нему привыкнуть надо. Привыкнешь, на другой и смотреть не захочешь.

– А пока привыкнешь, все нутро вывернет.

– Не передергивай, Юр? Не хочешь кофе, давай прикажу чай заварить. До ужина еще три часа.

– Нет, Адан, спасибо. Сейчас бы водочки.

Сабир широко улыбнулся:

– Какие проблемы? Есть у меня арак! По сто граммов можно.

– Арак? Нет, друг мой, ты свое тридцатиградусное виноградное, настоянное на анисе пойло, извини, сам пей.

– Чем тебе не нравится арак? Мягкая водка с пряным привкусом.

– И видом. Особенно когда в арак куски льда бросить или холодной водой немного разбавить.

– При чем здесь лед или вода?

– Адан! Ты когда-нибудь в России одеколон пил?

– Одеколон? – удивился сирийский ротный. – Нет, ни одеколон, ни туалетную воду. А зачем?

– Когда у нас со спиртным в России проблемы были, многие одеколон пили, да что там одеколон, всю гадость, типа очистителей стекол, и даже дихлофос в пиво добавляли. Но – к одеколону. Так напрямую его пить хреново, крепкий. Вот и добавляли воду.

– Ну и что? – заинтересовался сирийский офицер.

– А то, что когда в одеколон попадает вода, то смесь приобретает молочный цвет. Как и ваш арак, если в него добавить льда или воды. Один в один. Я как увижу эту мутно-белую жидкость, рвать тянет.

– Ну ты сравнил одеколон с араком.

– Нет, Адан, я имел в виду нашу русскую водочку. Слезинку, как ее еще знатоки называют. Сто граммов, а на закуску грибочки малосольные или огурчики, можно бычки или

кильку в томате. Вот это вещь. Но раз у нас нет ни водки, ни грибов, ни огурчиков, ни консервов, забудем о выпивке. Впрочем, я не возражаю, вы можете свой арак хлебнуть.

– Где бы ее взять, русскую водку? Если только у торговцев в Эр-Катуре? Но они продадут, как это у вас называют, подделку?

– Паленку?

– Точно.

– Так что настоящую водку могут только ваши ребята из России привезти. А в арак можно и не добавлять льда. В холодильнике водка и так холодная.

– Нет, благодарю, это все равно что вместо пива «Балтика», которое, кстати, активно начали продавать в Дамаске и в других крупных городах, пить перебродивший кумыс. У «семерки» те же пять-шесть процентов спирта. А разница – как земля и небо.

– Ну и оставим эту тему до лучших времен, – сказал Сабир и предложил: – Пройдем по позициям? Посмотрим настроение личного состава. К танковым, минометным подразделениям, иранцев проведаем. Персы предпочитают особняком держаться. Хотя надо признать, воины они отличные.

– Давай пройдем, потом обсудим твое решение.

– Договорились.

Офицеры собрались на выход, но тут появился связист роты сержант Суни Данури:

– Разрешите?

– Что у тебя, Суни? Штаб бригады?

– Никак нет, капитана Волченкова вызывает на связь генерал Кордо... Кордо... не запомнил, сложная фамилия.

– Кордополов, – поправил его Волченков, – генерал-майор Кордополов Николай Леонидович, главный военный советник сирийской армии.

– Большой начальник.

– Большой. Он еще с душманами в Афганистане воевал. Ротой и батальоном командовал.

Волченков взглянул на Сабира:

– Вы начнете обход с первого взвода?

– Да.

– Ступайте, я переговорю с генералом и догоню вас.

– Хорошо. Идем, Юнис, – кивнул ротный заместитель.

Сирийские офицеры стали спускаться с высоты, советник прошел в узел связи, представлявший собой бетонный «короб» со столом, на котором были развернуты средства связи, тут же стояли два стула.

– Жарко у тебя здесь, сержант.

– Я привык. Сейчас не жарко, а тепло, всего двадцать восемь градусов на улице, здесь не больше тридцати.

– Да, нормальная температура.

Он взял гарнитуру радиостанции:

– Полоз на связи!

– Приветствую, Полоз! Кедр.

– Мне доложили.

– Время «Ч» 17.00, в «Ч» + 16 быть на восточной окраине населенного пункта в квадрате... КШМ. При себе иметь все, касаемое планов «Евфрата» на ближайшие трое суток. Вопросы?

– Никак нет!

– До встречи.

– До встречи.

Главный военный советник отключился. Волченков передал гарнитуру радиостанции связисту.

– Все? – спросил тот.

– Все, сержант. Не закрывай дверь, проветри помещение.

– Чтобы проветривать, надо еще окно. А его нет.

– «Духи» тебе его пробьют!

– Кто?

– Не обращай внимания.

Капитан вышел из узла связи, пошел к тропе, ведущей вниз. Волченков прикинул. «Ч» – 17.00, «Ч» + 16, это значит 9 часов завтра, населенный пункт в квадрате... – поселок Саар, до него семнадцать километров.

Генерал Кордополов или его представитель будет ждать на восточной окраине, это роща, находясь в КШМ – в командно-штабной машине. Хорошо, хоть так, не в Хмеймим ехать. До базы триста километров. Да и до Дамаска прилично. Непонятно, с чем связан вызов главного советника. Впрочем, что тут непонятного? С обстановкой. Наступление-то на Пальмиру, по сути, захлебнулось по всем направ-

лениям. Ладно, послушаем, что скажет генерал или его представитель.

Волченков прошел к позиции первого взвода, где столкнулся с ротным.

– Освободился?

– Да я вроде и не сидел, – отшутился российский капитан.

– Ох уж мне этот русский юмор. Сказать, зачем вызывал главный советник, можешь?

– Он на завтра на 9 утра назначил встречу в Сааре.

– С чем это связано?

– Хороший вопрос.

– С остановкой наступления, – уверенно ответил сам себе капитан Сабир. – Значит, верховное командование не устраивает положение дел.

– Это было понятно и без вызова Кордополова.

– Но теперь есть надежда, что хоть что-то изменится.

– Надежда есть всегда.

– Да, и умирает она последней.

– Ну это спорный вопрос. Мне нужен от тебя план действий на ближайшие трое суток.

– Ты же знаешь, Юра, никакого плана нет, есть замысел на сегодняшнюю ночь.

– Надо что-то придумать. Отписаться. Скажем, в ночь рейд по долине, с целью определения возможности переноса передовых позиций ближе к хребту, в следующую ночь рейд другой группы в район за дорогой Эр-Катур – Дамаск, цель

та же. С подготовкой и отходом как раз трое суток.

Сабир улыбнулся:

– Ну вот ты и решил все сам. Или надо на карту информацию нанести?

– Карты остаются при тебе. Значит, план определен?

– Определен.

– Нужна техника.

– Это понятно, не пешком же семнадцать километров идти? Возьмешь мой БТР. Охрану, если считаешь нужным.

– Обойдемся бэтээром! Выезд в восемь часов.

– Я предупрежу механика-водителя. Ты только схему маршрута составь, а то Али по-русски ни черта не понимает. Он в России не учился.

– Но малый хоть с понятием?

– По схеме укажешь, где прямо, где свернуть, доставит к месту. Маршрут к Саару я ему объясню, а в поселке придется руководить тебе.

– Пойдет. Что во взводе?

– Ничего. Двое дозорных смотрят за долиной, остальные, включая взводного, отдыхают в блиндаже. Расслабляются люди, Юра, и это нехорошо.

– Сейчас во второй взвод?

– И как ты догадался?

– Интуиция.

Офицеры рассмеялись.

Волченков заметил, что с ротным не было заместителя.

– Юниса тоже отдыхать отправил?

– Нет! Он пошел к персам.

– Тебе надо было лично их проведать.

– Так я не отказываюсь, зайдем, как огневые позиции проверим.

– Лейтенанта Басара надо с собой взять.

– Ты насчет рейда?

– Да.

– Хорошо. Возьмем. Хотя задача ему уже поставлена.

– Чтобы не вызывать, если возникнут уточнения в ходе совместного обсуждения задачи, которую ты поставил ему.

– Так и говорю. Хорошо, возьмем собой, на КНП.

В отличие от первого взвода во втором люди не спали. В блиндаже всю шла подготовка к ночному выходу. Два усиленных отделения представляли собой две трети личного состава взвода. В каждом отделении в рейд выходило по десять человек, вместо штатных восьми, на позициях оставались только четыре человека, да и те – наводчики БМП и наблюдатель. Руководил подготовкой лейтенант Басар.

Взводный делал все умело. Объяснял солдатам, как и что каждому предстоит выполнить, что взять с собой, как закрепить, чтобы не гремело. При виде ротного он подал команду «смирно» и пошел навстречу Сабиру с докладом. Капитан остановил лейтенанта:

– Не надо, Омар, занимайся. Мы с советником сейчас обойдем основное подразделение, в 18 часов будем на КНП.

К этому времени подходи и ты, еще раз обсудим порядок действий отделений.

– Есть, – ответил молодой лейтенант.

Волченков отметил уравновешенность офицера. Тот был спокоен, словно не ему, а кому-то другому предстояло идти в ночной рейд, который реально мог оказаться последним в жизни.

– Занимайся! – повторил капитан.

Они прошли дальше, в третий взвод. Там, как и в первом, только дозорные в стрелковых ячейках, остальной личный состав в блиндаже. Сабир не стал вызывать взводного.

Танкисты занимались техникой. «Т-72» были доставлены из России. И хотя выпускались такие машины давно, эти танки, с консервации, являлись практически новыми. Командиры, прошедшие курс подготовки, подсказывали солдатам, как работает автомат заряжания, что делает наводчик, когда требуется вести огонь из пушки и пулемета. Танки не участвовали в боях. Экипажи тоже. Им еще предстояло узнать, что такое бой. Оттого и относились танкисты к занятиям серьезно.

В минометном взводе было также спокойно. Минометы стояли в ряд, рядом тягачи, машина с боеприпасами.

Оставался взвод прикомандированных иранских военнослужащих. Там с командиром взвода разговаривал старший лейтенант Маджид. Капитан Реза Давари слушал младшего по званию, но старшего по должности сирийского офице-

ра. Правда, было заметно, что делал это он не без снисходительности. Взвод Давари уже полгода воевал в Сирии. Большинство бойцов участвовали в боевых действиях в Ираке. У иранцев царили порядок и дисциплина.

Давари козырнул Сабиру, улыбнулся, что было редкостью, Волченкову.

– Как дела, Реза? – спросил Сабир.

– Об этом уже спрашивал твой заместитель, благодарю, все в порядке. Вот только заместитель не ответил на мой вопрос.

– Что за вопрос?

– Что будем делать дальше?

– Это, Реза, решается. В ночь высылаю в долину разведку.

– Будь осторожен, Адан, мои наблюдатели заметили несколько человек на хребте. И это не солдаты, не рядовые. Они через оптику долго и внимательно рассматривали позиции роты и подходы к ним. Уделили внимание и высоте. Эти кровавые псы что-то задумали, Адан. Просто так они не стали бы внимательно рассматривать район, который до этого занимали.

Иранский капитан повернулся к Волченкову:

– Ты воевал на Кавказе, капитан, ты знаешь повадки этих шакалов. Те, что пойдут в долину, должны соблюдать повышенные меры предосторожности.

Говорил Давари на русском языке, чего раньше за ним не замечали, и это удивило и Сабира, и Волченкова.

Юрий поинтересовался:

– Реза! Откуда ты так хорошо знаешь русский язык?

Иранец улыбнулся:

– Я не должен говорить об этом, но тебе скажу. Семь лет назад в российский антитеррористический центр была отправлена группа офицеров. Для, скажем так, повышения квалификации. Группа пробыла в Подмосковье почти год. В этой группе был и я.

– В Подмосковье, говоришь? А где конкретно?

– Учебный центр «Лесной».

– Даже так? Надеюсь, инструкторы не разочаровали тебя?

– Я их всех по именам помню. Российский спецназ – лучший в мире.

– И это говоришь ты, офицер Пасдарана? Революционной гвардии или, как больше принято называть, Корпуса стражей Исламской революции?

– Да, конечно, как офицер Корпуса.

– Это высокая оценка.

– Ты, как советник, объясни ротному, что рейд – это не прогулка.

Сабир воскликнул:

– По-твоему, я ничего не понимаю в военном деле? Я, четыре года воевавший против врагов страны?

– Не обижайся, Адан, но война войне рознь. Ты достойный командир, бесстрашный, грамотный, но русский опытнее тебя. Слушай его.

– Мы как-нибудь сами разберемся.

– Конечно. Один вопрос, капитан?

– Да?

– Ты и дальше собираешься проводить планирование без моего участия?

– Нет, но пока в этом не было необходимости.

– Я понял. Удачи!

Волченков пожал руку Давари. И пошел вместе с капитаном к тропе на высоту.

Сабир был недоволен:

– Этот перс много берет на себя. Его послушать, так только он и соображает, как воевать.

– Давари действительно опытный офицер, и еще, Адан, не в обиду будет сказано, в учебном центре «Лесной» готовили секретные боевые группы. И готовили очень серьезно. Обычно месяца три. Реза же провел в «Лесном» почти год, это много значит. Тебе надо больше привлекать его к управлению подразделением.

– Может, вообще передать персу командование ротой?

– Остынь! И до чего вы вспыльчивы. Хорошо еще в повседневной жизни. В бою вспыльчивость зачастую ведет к необдуманному поступкам, которые оказываются роковыми. Ты должен знать, что в бою побеждает не тот, кто отчаянно храбр, а тот, кто храбр и в то же время умело владеет собой, сохраняет холодным рассудок.

– Кто еще сегодня не пытался учить меня? Пожалуй, толь-

ко взводные. Не удивлюсь, что и Басар попытается. Прошу запомнить, капитан, подразделением командую я. И пока подразделением командую я...

Волченков прервал Сабира:

– Успокойся. Нам предстоит еще раз продумать ночной рейд. С учетом того, что за долиной смотрели террористы.

– И что с того, что они смотрели? Делать им нечего, вот и смотрели. Смеялись, вот, мол, она, доблестная сирийская армия. Выдохлась, раз сидит на оставленных нами позициях.

– Нет, Адан, Реза прав, что-то «духи» задумали. Знать бы что?

– Я был бы не прочь, если бы они попытались провести контратаку и выслали всех своих уродов вместе с техникой на наши позиции.

– Не для того они отходили. Ладно, пришли.

Офицеры зашли на КНП в 17.45. Заместитель находился уже там. Связист варил для сирийцев кофе, для советника поставил на примус чайник, распечатав новую пачку зеленого чая.

Ровно в 18.00 явился командир второго взвода и старший одной из разведывательно-штурмовых групп предстоящего ночного выхода.

Сабир пригласил всех разместиться за столом.

Расселись.

Освежились кофе и чаем.

Сабир развернул карту:

– Итак, ночной рейд. Проведут его усиленные отделения второго взвода. Первую группу ведет лично взводный, вторую его заместитель. Второй группе выйти к западной балке в двадцать два часа, первой из-за разницы расстояний – к восточной в двадцать два десять. Задача у отделений одна: осмотреть балки, определить, возможно ли оборудовать в них передовой рубеж роты. При перемещении по балкам обязательно выставить верхние дозоры, которым занять позиции, замаскироваться и отслеживать обстановку, дабы избежать внезапного нападения противника.

Басар не без удивления посмотрел на ротного:

– Вы, капитан, допускаете, что боевики выйдут в долину?

– Нет. Но я не знаю, что на уме у Самера аль-Диаба или его начальников в штабе обороны на нашем направлении. И, как говорят наши русские друзья, страховка лишней не бывает. По дозорам ясно, Омар?

– Так точно. Но за долиной, очевидно, следят с хребта. И не исключено, что дозорные могут быть обнаружены.

– Так вот ты и думай, что предпринять, чтобы этого не произошло.

– Есть, я понял.

– Рейд, – продолжил Сабир, – проводим с двадцати двух часов до двух часов. Доклады мне по необходимости. В два часа отделения должны находиться на позициях второго взвода.

Сабир повернулся к Волченкову:

– Вам есть что сказать, господин советник?

– Да.

Волченков попытался приподняться, не получилось. КНП находился в одной из разрушенных зон старого блокпоста, был невысок и узок.

– Предлагаю лейтенанту Басару не держать наводчиков в БМП, для этого есть экипажи машин других взводов, а всех оставшихся бойцов вывести на передовые позиции. Им внимательно смотреть за подходами к балкам. В этом случае не придется выставлять фланговые дозоры, что демаскирует продвижение отделений. Обязательно одному из наблюдателей постоянно поддерживать связь с командиром взвода, сообщая обо всех изменениях обстановки. Появление противника в долине маловероятно, но возможно. Не исключено, что игиловцы уже там.

Сабир взглянул на советника:

– О чем это ты, капитан? Допускаешь, что наши дозоры могли пропустить выход боевиков с хребта?

– А ты считаешь, что не могли? Да, они вряд ли имеют намерения отбить оставленные позиции. Это им не нужно. А вот ослабить нашу роту им весьма желательно. Мы не видим, что происходит на участке восточного прохода Черного холма.

– Но увидим, – перебил советника командир роты. – С дальних выходов из обеих балок этот участок будет виден через оптику.

– Будет. Но заметят ли солдаты развернутую минометную батарею боевиков? И тогда игиловцы, имея перед собой долину, с хребта точно наведут огонь батареи по балкам.

– И что ты предлагаешь?

– Лейтенанту Басару или его заместителю, в зависимости от того, кто какой балкой пойдет, следует выслать вперед по два человека. Чтобы они вышли на дальние позиции и в случае необходимости смогли предупредить основные разведывательные силы об опасности, дав возможность им отойти.

– Это все? – спросил Сабир.

– Нет. Нам, я имею в виду командира роты, заместителя и себя, на все время проведения рейда находиться на высоте и, используя оптику, отслеживать ситуацию. В это же время вывести на огневые позиции танки. Всему личному составу, включая взвод иранцев, объявить боевую готовность «Военная опасность», которую не снимать до окончания рейда.

– Что еще?

– Необходимо предусмотреть способ прикрытия отхода отделений Басара в случае столкновения с противником.

Сабир поцокал языком:

– Я, конечно, признаю твой опыт, Юра, но мне кажется, ты преувеличиваешь вероятную опасность.

– Лучше преувеличить, чем недооценить противника. Превосходящего по численности и технике противника, занимающего стратегические высоты хребта и имеющего многочисленный резерв.

– Я услышал тебя. Решение – действовать по обстановке.

– А теперь мое личное мнение, Адан.

– Говори.

– Не нравится мне твоя затея. Тактически разведка не представляет ценности. Все, что нужно, мы можем выяснить путем визуального наблюдения. Но ты принял решение, ты командир, имеешь право. У меня все!

– Ты бы, Юра, лучше попросил своего генерала организовать поддержку роты авиацией. Вот тогда бы мы взяли хребет малыми силами.

– Я подниму этот вопрос.

– Подними, пожалуйста. Так! – Сабир повернулся к заместителю: – С двадцати двух часов роте боевая готовность «Военная опасность», технику на позиции, минометный взвод развернуть. Экипажи, исключая второй взвод, в машины. Иранцам быть в готовности прикрыть отход отделений Басара. Впрочем, Давари я сам поставлю задачу. Тебе, Юнис, проконтролировать все мероприятия, определенные советником, и с двадцати двух часов находиться на левой от КНП позиции наблюдения.

Заместитель командира роты козырнул:

– Есть!

Сабир отпустил Маджида и Басара, позвал связиста:

– Суни.

Сержант появился тут же:

– Я, господин капитан!

– Вижу, что ты. Свяжись с капитаном Давари, пусть поднимется на КНП.

– Есть.

– Выполняй.

Сабир взглянул на советника:

– Ты поприсутствуешь при разговоре с командиром иранского взвода?

– Нет. В этом нет необходимости, я пройду на правый фланг высоты, оттуда через стереотрубу осматриваю долину.

– Дело твое.

Волченков вышел из КНП, пошел во фланг на позицию наблюдения. На командный пункт прибыл капитан Давари. Стрелки часов приближались к 19.00. Внизу задымили две полевые кухни. Повара готовили ужин.

В это же время на хребте Умгдум

На каменистой площадке, закрытой с фронта невысокой грядой, в тщательно оборудованном наблюдательном пункте игиловцев, за обстановкой на позициях сирийской роты наблюдал опытный разведчик из группы наемников, или, как ее еще называли в отряде, спецгруппы, Гази Аходов. Он был чеченец по национальности, но в Чечне не был никогда. Родился и вырос в Турции. Там же попал на заметку радикалов и со временем оказался в банде так называемого «Исламского государства», вместе с соседом и другом, тоже чеченцем, никогда не бывавшим в Чечне, Акрамом Дикаевым. Как хо-

рошие воины, они быстро освоились в группировке ИГИЛ и спустя некоторое время завоевали авторитет. Они не занимались массовыми казнями, не участвовали в карательных операциях. Чеченцы из Турции воевали против неверных, а ими стали все, кто поддерживал законную власть в Сирии, Ираке, Афганистане, Ливии и не принимал ценностей Всемирного халифата.

На пост вышел заместитель командира отряда Аббас Фаур.

Аходов не колыхнулся, хотя слышал шаги еще на тропе, он предпочел смотреть в ночной бинокль.

Фаур прилег на кошму рядом с наблюдателем, спросил:

– Как дела, Гази?

– Оживление на позициях асадовцев.

– В чем заключается?

– В оживлении. Или я непонятно выразился? На передовом рубеже, там, где у неверных второй взвод, люди к чему-то готовятся.

– К чему?

Аходов оторвался от бинокля, взглянул на заместителя командира отряда:

– Странный вопрос, господин Фаур. Откуда я могу знать, к чему готовятся асадовцы? Позиции обходили командир роты, его заместитель, советник, только что ротный говорил на КНП с командиром взвода персов.

– Это обычное явление. Командиры обязаны контролиро-

вать подчиненных.

– И все же неверные к чему-то готовятся. Их наблюдатели начали работу по долине.

– Шайтан! Неужели им стали известны наши планы?

– Не знаю.

– Ладно, продолжай наблюдение.

Фаур поднялся, отряхнулся и, пройдя по склону метров пятьдесят, вошел в пещеру, где находился командный пункт командира отряда «Куфир» Самера аль-Диаба.

– Что? – кратко спросил главарь.

– Чеченцу на посту наблюдения показалось, что в роте неверных какое-то движение. По его мнению, они что-то замышляют.

– Что могут замышлять неверные? Их гонят в наступление, но только идиот решится наступать в сложившейся ситуации. Маневр со сменой позиции удался на славу. Помнишь, как неверные радовались, выйдя на высоту Астара? Словно одержали стратегическую победу. И оставленный нами флаг под улюлюканье сожгли. Свой подняли. А дальше – тупик. И это они поняли.

Фаур кивнул:

– Все это так, Самер, но не кажется ли тебе странным, что асадовцы зашевелились как раз накануне наших ночных мероприятий?

– Чеченцу показалось, мне тоже должно казаться? Не «кажется», Аббас, мы адекватно воспринимаем реальность. Она

такова. Рота заняла высоту и вынуждена сидеть на занятом рубеже, не имея возможности продолжать наступление. Это расслабляет. Поэтому ротный, наверняка по совету русского капитана, решил взбодрить подчиненных. Вот и гоняет личный состав.

– Их движения касаются только второго взвода, в первом и в третьем тишина.

– Значит, ты настаиваешь на том, что противник может выйти в долину?

– Я не настаиваю, но они точно что-то замышляют.

– Тогда это значит, что им стало известно о наших планах. В них посвящен очень ограниченный круг лиц: я, ты и командир боевой группы. Три человека. Даже связист и мой телохранитель не в курсе планируемых действий. Я сдать не мог, командир группы находится среди личного состава, и за ним смотрят. Остаешься ты, Аббас! Если неверным стал известен наш план, то передать его противнику мог только ты.

Фаур побледнел.

В рядах ИГИЛ порядки жестокие. Одно лишь подозрение, даже ни на чем не основанное, может привести к казни подозреваемого. Так, на корню, вместе с головами вырезаются даже намеки на измену. И это дает результаты.

– Ты это серьезно, Самер? Но мы же воюем вместе третий год? Мы...

Самер аль-Диаб поднял руку, прервал заместителя:

– Успокойся, Аббас, я всего лишь сделал логическое пред-

положение. Ты не сдавал врагу наш план. Значит, никто не сдавал, и они не в курсе готовящейся акции. Да это и видно. Разве они стали бы, прекрасно зная, что мы наблюдаем за ними, открыто готовиться к каким-либо действиям? Советник у капитана Сабира умный, подготовленный человек. Он профессионал. И не допустил бы элементарной ошибки. Уверен, на той стороне не знают, что мы планируем здесь.

Фаур облегченно вздохнул:

– Ты, конечно, прав, Самер.

– Конечно, иначе не командовал бы одним из основных отрядов корпуса обороны Пальмиры.

– Окончательную задачу когда будешь ставить?

– Ближе к выходу. Впрочем, она практически не будет отличаться от предварительной. Нам надо потрепать роту, и мы ее потрепем. Главное – сжечь хотя бы половину техники асадовцев, и мы ее сожжем. Впрочем, если удастся уничтожить только танки, это уже будет значительный успех.

– Ты не думал, почему действия той же роты Сабира не поддерживаются русской авиацией?

– Сирийской, кстати, тоже. Я не только думал, я искал ответ на этот вопрос.

– Нашел?

– Конечно. Ищущий всегда найдет. Тем более с помощью нужных людей. Бездействие ударной авиации в районе Пальмиры объясняется легко. Русские, заявившие на весь мир об уничтожении памятников древней Пальмиры, не в состоя-

нии наносить такие удары без риска повредить эти древние ценности. Представляешь, какой начнется шум, если русские своими ракетами уничтожат хотя бы один, по сути, никому не нужный памятник? Даже одну колонну? Их тут же обвинят в варварстве. ИГИЛ, мол, уничтожает древние памятники архитектуры, и русские тоже. Русские не дают действовать и сирийской авиации.

– Они не могут использовать свои корректируемые бомбы?

– Для этого нужны наводчики на земле.

– Но их самолеты имеют собственные лазерные системы наведения.

– Эти системы были хороши при ударах по нефтехранилищам, колоннам, командным пунктам, складам – везде, но только не здесь. Здесь цена ошибки слишком высока. Для того же, чтобы навести самолет точно на цель, не задев древних построек, нужны наводчики, которые находились бы рядом с объектами, то есть в зоне ответственности отрядов, и представляли бы маяки у объектов поражения. Как мне сообщали друзья из руководства сирийской разведки, сейчас у русских таких наводчиков нет. Их не было и раньше. Они перебрасывают подразделения сил специального назначения. Но о наводчиках пока речи не было.

Аббас Фаур спросил:

– Извини, но эта информация надежна?

– Да. Этого достаточно?

– Достаточно.

– Тогда подумай, не стоит ли нам отвлечь действия диверсионной группы выдвижением на огневые позиции перед Черным холмом пары минометных расчетов, а к развалинам у подножия хребта – двух-трех танков?

– Хорошая мысль. Но почему минометы следует выставить перед холмом? Там они будут досягаемы для танковых орудий противника.

– Танки Асада будут стрелять только в случае, если минометы откроют огонь – у правительственных войск нет лишних боеприпасов. Минометные же расчеты стрелять не будут, как и наши «Т-62». Но ты подумай. Я не настаиваю на отвлекающем маневре. Я верю в профессионализм наших воинов диверсионной группы.

– Да, Самер, я подумаю!

– Решение на совещании. После ужина и молитвы, в двадцать один час здесь, у меня.

– Я понял!

– Ступай, Фаур. И пусть зайдет связист.

– Да, Самер.

Фаур вышел, явился связист с радиостанцией.

– Мне нужен командующий, – сказал аль-Диаб.

– Минуту, саиб.

Связист выставил радиостанцию на стол, включил ее. С третьей попытки доложил:

– Господин Фераз аль-Ахдар на связи.

Командир отряда ИГИЛ принял гарнитуру:

– Раис! Это Шаран.

– Слушаю!

– Я готов отправить дервишей в пустыню.

– Хорошо. Ты на своем КНП?

– Да.

– Когда думаешь говорить с дервишами?

– После молитвы и ужина. В двадцать один час.

– Хоп! Часом раньше я подъеду, ты уже освободишься?

– Да, конечно! Но ваш приезд...

– Тебя что-то не устраивает или это небезопасно?

– Да нет, устраивает все, и угрозы нет.

– Значит, встречай!

– Вы подъедете к позициям «коробок»?

– К тропе, ведущей на хребет!

– Хорошо, встречу.

– Отбой.

Аль-Диаб отключил станцию. Подумал, почему это вдруг сам командующий обороной целого направления решил приехать на позиции отряда? Ответа не было. Впрочем, Фераз аль-Ахдар частенько принимал внезапные решения, не давая полевым командирам расслабляться. Иногда он приезжал просто так, посидеть, поговорить на отвлеченные темы, попить чаю, но чаще – проверяя готовность отрядов. Что у него на уме сегодня, не мог знать никто. Хотя один человек знает точно, это его заместитель, Радван Дакур, прихо-

дившийся дальним родственником аль-Диабу. Не спросить ли его?

Командир отряда взглянул на связиста, не спешившего сворачивать станцию:

– А ну-ка вызови Радвана Дакура.

– Да, господин.

Дакур ответил тут же:

– Салам!

– Салам. Один вопрос?

– Слушаю!

– Не знаешь, почему раис собрался ко мне?

– Знаю, узнаешь и ты. Посмотри на своих бойцов, территорию, чтобы все было в порядке.

– Это проверка?

– Нет, это гораздо больше. И это все, что я могу тебе сказать.

– Благодарю и на этом.

– Удачи!

Дакур отключился, аль-Диаб бросил гарнитуру связисту:

– Свободен!

За порядок на занимаемом рубеже обороны аль-Диаб не беспокоился. Аббас Фаур и командиры боевых групп следили за этим строго.

В 20.00 командир отряда «Куфир» находился у подножия хребта, рядом с тропой, ведущей к пещере, где был оборудован командный пункт. Со стороны высоты Джатель пока-

залось облако пыли, и вскоре к хребту подошли четыре броневи́ка «Хамви». Прибыл командующий с охраной.

Фераз аль-Ахдар довольно легко для своих пятидесяти лет выбрался из машины. Он был в полевой форме. Подошел к аль-Диабу:

– Салам, Самер!

– Салам, господин аль-Ахдар.

– Карта с собой?

– Да, полевая, более крупная на командном пункте. Поднимемся?

Командующий взглянул на тропу, перевел взгляд на деревья, росшие у самого подножия, топчан между ними для отдыха танкистов (танковая рота базировалась рядом), электрическую лампу под абажуром, висевшую на тонкой ветви одного из деревьев.

– Пойдем туда. Там прохладно.

Командиры прошли к топчану. Место совещания сразу же взяла в кольцо охрана командующего.

Аль-Диаб развернул карту.

Командующий приказал:

– Докладывай план ночной акции. Надеюсь, ты уже принял окончательное решение?

– Да, господин аль-Ахдар.

– Слушаю.

Аль-Диаб воспользовался ручкой-указкой.

В двадцать два часа, через два часа, диверсионная группа

в составе пятнадцати бойцов или семи гранатометных расчетов, вооруженная «РПГ-7», имеющая по пять кумулятивных выстрелов на каждый, начнет сближение с двумя балками непосредственно у рубежа обороны неверных.

Он указал маршрут на карте:

– Применяя средства маскировки, через полтора-два часа группа выйдет на позиции открытия огня. После доклада командира группы Али Хакила наши бойцы подвергнут армейские позиции обстрелу. Цель группы – любая техника, что окажется в зоне видимости и дальности боя гранатометов. Отстрелявшись и задымив местность, диверсанты начнут отход, но не тем же маршрутом, а забирая на запад, выходя к Черному холму. В качестве отвлекающего маневра предлагаю выдвинуть на позиции у Черного холма минометную батарею, а за развалины деревень – танковый взвод. Но огня они открывать не будут, чтобы не вызвать ответную стрельбу.

Командующий выслушал и неожиданно спросил:

– А что в течение дня тебе докладывали наблюдатели за позициями роты неверных?

Пришлось аль-Диабу отвечать о подозрениях Аходова. Кто-то успел сообщить в Тару о результатах наблюдения. И этим «кем-то» мог быть только Аббас Фаур. Желает выслужаться. Заполучить должность командира отряда.

– И ты не придал значения докладам наблюдателя?

– Придал, но что, собственно, в них такого? Любой поле-

вой командир в условиях вынужденного безделья старается держать подчиненных в тонусе.

– А то, что противник решил продвинуться вперед и оценить возможность обустройства рубежа в балках и между ними, ты не догадался?

– А смысл, господин аль-Ахдар? Мы и сейчас можем dostat из минометов основные позиции, правда, только с выводом батареи к Черному холму. Если же рота продвинется на километр, а это примерное расстояние до середины балок, то нам и выводить батарею не надо будет, мы из-за хребта получим возможность накрыть противника на новых позициях. И это капитану Сабиру известно не хуже нас.

– Логично, – аль-Ахдар поудобнее устроился на топчане, – но вот только наш человек в штабе бригады, в состав которой входит отдельная штурмовая рота капитана Сабира, предупредил, что сегодня в ночь в балке должны быть две разведывательные группы. Цель данных мероприятий агенту неизвестна. Можно лишь предположить, что капитана Сабира к этому вынуждает настойчивое требование командования продолжить наступление.

– Но тогда, господин аль-Ахдар, придется отменять диверсионный рейд.

– Ну почему? Только изменить диверсионной группе задачу. Вместо уничтожения техники противника – уничтожение разведывательных групп. А еще лучше с захватом пленных. Их отрезанные головы на высоких шестах будут хоро-

шо смотреться на вершине хребта через оптику. Это действует на психику, вызывает подсознательный страх даже у опытных бойцов. Снижение боевого духа противника гораздо важнее дефицита вооружения или боеприпасов. Дефицит можно быстро устранить, а вот поднять боевой дух не так просто. И еще, никаких отвлекающих маневров. Гарантии, что рота не откроет огонь по минометным расчетам и танковому взводу нет и быть не может. А потеря двух минометов и трех танков – это очень серьезно для нас. Так что – никакого риска.

Аль-Диаб кивнул:

– Я вас понял, господин аль-Ахдар.

– Сожалеешь, что не увидишь, как горят танки и БМП неверных? Не сожалей, Самер. Еще увидишь.

– Что вы имеете в виду?

– В районе Пальмиры, ближе к жилой части города, у нас находится реактивная батарея. Я сумею убедить командующего обороной Пальмиры, господина Мохаммеда аль-Хадада, применить хотя бы одну установку «Град». Ее огневой мощи хватит для уничтожения оборонительных порядков какой-то роты.

– И когда это будет?

– Не спеши, всему свое время. Сосредоточься на сегодняшней ночной работе.

– Слушаюсь, господин аль-Ахдар.

– Ну вот и поговорили.

– Отужинать не желаете?

– Нет, благодарю, я уже поужинал. Сбрасываю лишний вес, поэтому вечером принимаю пищу только до восемнадцати часов, что и тебе советую.

– У меня нет лишнего веса.

– Это вообще полезно для организма. А здоровье надо беречь, у нас впереди великие дела, Самер. Русские, конечно, изрядно попортили нам общее положение, но все это временно. Главное – мы продолжаем получать и финансы, и людей, и необходимое оборудование. Сирия была и остается территорией самого удобного и короткого маршрута для нефте- и газопроводов из Саудовской Аравии, Объединенных Эмиратов, Катара в Турцию и далее – в Европу, на бескрайний рынок. Прокладка данных нефте- и газопроводов сильно ослабит позиции России на рынке сырья. А значит, мы как были, так и будем нужны нашим спонсорам. Пусть платят, пусть вооружают. Но когда мы одержим победу и создадим халифат, а это будет, Самер, все кардинально изменится. Один только транзит нефти и газа уже обеспечит бюджет нашего государства. И мировому сообществу придется смириться с появлением такового на карте. Но что-то я сегодня разговорился. Тебе надо работать. Жду доклада о проведенной операции в любое время. Пора, мне еще надо захватить на позиции двух других отрядов. Удачи тебе, Самер.

– Благодарю, господин аль-Ахдар.

Полевой командир проводил командующего до машины,

и колонна «Хамви» ушла на запад. Самер аль-Диаб приказал своему заместителю и командиру боевой группы собраться на командном пункте.

Глава вторая

С 8 часов вечера пошел мелкий дождь. Полевой командир Самер аль-Диаб изменил задачу диверсионной группе. Боевики перевооружились, в принципе это было единственное, что им пришлось сделать. Ровно в 21.30 два больших пикапа «Тойота» прошли через Восточный проход хребта и, объехав Черный холм с запада, сменили курс, сближаясь с позициями сирийской роты. Двигались они без света, на ощупь, поэтому не всегда удавалось избегать рытвин и канав, что вызывало недовольство бандитов, сидевших в кузове.

Пройдя немногим больше трех километров за одинокими развалинами (когда-то здесь было жилище отшельника), пикапы спустились в небольшой, но глубокий овраг с пологими, заросшими кустами склонами. Али Хакил, командир первой штурмовой диверсионной группы отряда аль-Диаба, а в настоящий момент командир диверсионной группы, отдал команду боевикам покинуть машины. Бандиты выстроились неровной шеренгой на дне оврага. Они были вооружены американскими винтовками «М-16», советскими автоматами «АК-74», один из игиловцев имел российский пулемет «ПК» с двумя коробками боеприпасов.

Хакил посмотрел на часы: 22.02. Достал из кармана камуфлированной куртки миниатюрную радиостанцию:

– Шаран! Рысь!

– Слушаю, – тут же ответил полевой командир отряда, вышедший на время акции на вершину хребта в качестве наблюдателя.

– Мы на промежуточном рубеже.

– Вижу.

– Машины оставляем в овраге, дальше перемещаемся пешком.

– Да! – коротко ответил аль-Диаб.

И добавил:

– Работайте, не кучкуясь, но и не растягиваясь на сотню метров, интервал между бойцами не должен превышать шесть-семь метров.

– Конечно, Шаран, как и положено.

– На следующем промежуточном рубеже – доклад.

– Я помню. Вопрос?

– Давай.

– Что у противника?

– Сейчас не видны ни их позиции, ни подходы к балкам – мешает дождь.

– Его-то нам как раз и не хватало.

– Дождь как нельзя кстати. К тому же это у земли тихо, а на высоте ветер, он гонит тучи на север. Еще час, и дождь прекратится. Вам же за это время следует пройти основной маршрут.

– Да, Шаран!

– До связи, Рысь, удачи!

– До связи.

Али Хакил выключил станцию, вложил в карман, поднял взгляд на подчиненных:

– Внимание. Выходим на равнину, выстраиваемся в шеренгу, интервал шесть-семь метров. Порядок перемещения: сто метров бегом, остановка. При остановке, выбрав укрытие, две минуты передышки, и дальше те же сто метров, таким образом движемся километр. Затем короткий привал, визуальная разведка и уточнение дальнейшей задачи. Направление балки – перед позициями, ориентир – высота Астара. Вопросы? Нет вопросов, всем наверх!

Боевики поднялись на равнину, выстроились в шеренгу. Хакил, как и положено командиру, занял место в центре:

– Вперед, воины!

Шеренга, ломаясь, огибая равнины, канавы и валуны, побежала вперед. Хакил подгонял бойцов, одновременно стараясь поддерживать строй.

Он постоянно отдавал команды через станцию:

– Левый фланг отстает – прибавить; правый, смотреть на меня, держать интервал!

Пробежав сто метров, боевики залегли за укрытиями. Ровно на две минуты. Этого хватит и дыхание перевести, и поправить амуницию – ничто не должно греметь. Ночью в долине, как на реке, слышно далеко. Дождь мешал, но не настолько, чтобы сорвать передвижение. А вот от наблюдателей с противоположной стороны, которые, конечно же, вы-

ставлены командованием сирийцев, боевики надежно прикрыты. Сейчас в приборах ночного видения сплошная рябь. Ближе сквозь рябь наблюдатели еще могут увидеть врага, идущего в полный рост, но дальше второго рубежа боевикам можно не таиться.

Диверсионная группа преодолела километр за двадцать три минуты.

В 22.25 она вышла в узкую балку.

Отдышавшись, Хакил вызвал на связь аль-Диба.

В ответ все то же:

– Слушаю!

– Мы на втором рубеже!

– Отлично. У нас дождь кончается, а у вас?

– Еще моросит.

– Вам остался километр до западной балки. Дальше порядок передвижения рваный, приземленный, выход на исходный рубеж через двадцать минут. В это время противник уже будет в балках. Учитывать те особенности, которые обговаривали при постановке окончательной задачи. Стрелков от рубежа высылай на восточные позиции. Пусть идут отдельно от группы.

– Да, Шаран!

– Сам противника не видишь?

– Нет! Вижу вершину, вернее, ее очертания.

– Ночник пытался применить?

– Пока нет! Применю при выходе на рубеж подготовки

атаки.

– Хорошо. Настрой воинов?

– Они делают свое дело как надо.

– Продолжайте.

– Есть! До связи!

Хакил переключил станцию. Осмотрел подчиненных. Боевики кто сидел на камне, кто устроился на валуне, кто стоял, подтягивая ремни и разгрузочные жилеты. Стволы винтовок закрыты презервативами, все же американские «М-16» – капризные штучки, это не советские «калашниковы», которым нипочем ни вода, ни грязь. Брось в лужу, достань и стреляй. Винтовку же, если в ствол попадет вода или грязь, разорвет к шайтану. Хорошо, что американских «М-16» всего шесть штук. И только потому, что автоматов в отряде на всех не хватало. Иначе побросали бы эти «М-16».

Гранаты у боевиков тоже российские: оборонительные «Ф-1» и наступательные «РГД-5». Но и бойцы правительственных войск вооружены русским оружием, а значит, рассчитывать на то, что у них во время боя что-то заклинит или выйдет из строя, не приходится. Впрочем, Хакил не собирался вступать в бой. Расчет аль-Диаба заключался во внезапном нападении на противника с применением различных гранат, которые должны были вывести из строя отделение в левой западной балке, а для солдат восточной балки подготовлен сюрприз в виде пулеметной огневой точки. Но план – это одно, а реальность – совсем другое. Главное – не допу-

стить ошибки, не дать обнаружить себя с позиций наблюдения. Если асадовцы заметят группу, боя не миновать. И боя практически на вражеской территории, а это значит, с минимальным шансом на отход без больших потерь.

Хакил бросил взгляд на часы. Отдал приказ:

– Все ко мне!

Боевики подошли, встали полукругом.

Хакил обратился к бойцу с пулеметом:

– Оман, тебе отсюда выход к позиции отделения неверных в восточной балке. Основная группа атакует западную. Что бы ни происходило там, жди, пока к неверным не подойдет помощь. Вот ее ты и должен будешь уничтожить и в дальнейшем прикрывать отход основной группы на этот рубеж. Отход по моей команде. С тобой пойдет Алим. При выходе на позицию – доклад.

Пулеметчик кивнул:

– Я все понял, Али!

– Запомни, Оман, от тебя и Алима зависит очень многое. Мы не можем вести бой под носом у всей роты. Мы должны покончить с ними в течение нескольких минут и отойти. Пока на их КНП не сообразили, что происходит.

– Не беспокойся, Али, я и неверных положу, и вас прикрою, и подойду с Алимом в эту балку.

– Остальным, – Хаким обвел взглядом группу, – порядок действий следующий: выходим из балки по одному, движемся зайцами, от укрытия к укрытию. Двое с левого фланга,

затем двое с правого, двое по центру. Одновременно должно перемещаться не больше двух бойцов. И перебежками метров в десять. Чем ближе к рубежу подготовки атаки, тем ниже, вплоть до полусогнутых или ползком. Мы должны выйти на рубеж незамеченными ни от балок, ни тем более с высоты, с позиций второго взвода, где наверняка в темное время суток усилено наблюдение. Тем более сейчас, когда дождь, с применением приборов ночного видения или ночных прицелов. От скрытого подхода и стремительной атаки зависит наша жизнь.

Один из боевиков воскликнул:

– О чем ты говоришь, Али! Настоящий воин должен только мечтать о смерти в бою с неверными.

– Ты, Басур, хороший воин, ты настоящий правовеерный, но не спеши умирать. У нас еще много дел на этой грешной земле. Так что работать аккуратно, на пределе внимания. При выходе на рубеж атаки всем залечь, расположиться в линию с прежним интервалом и подготовить гранаты к бою. Атака по моей команде. Отдохнули?

Боевики закивали. Что для них какой-то километр пешего маршрута!

– Что ж, тогда первыми идут Оман с Алимом. Они по восточному склону. Далее Басур с Курбаном, уходя на левый фланг, Гамир и Будур через полминуты на правый, дальше я с... – он вновь оглядел подчиненных, – с Саидом. За нами...

Хакил определил порядок выхода группы и рассредоточе-

ния ее на равнине перед завершающим этапом сближения с целью.

После чего последовал приказ:

– Первые двое, вперед!

Пулеметчики и его спутник быстро поднялись по восточному склону и исчезли за вершиной.

Немного выждав, Хакил отдал команду:

– Басур, Курбан! Вперед!

Как только первая пара вышла из балки, вновь усилился дождь.

Хакил поежился:

– Шайтан, промокли все, и надо было сегодня погоде испортиться. Хотя, с другой стороны, дождь мешает наблюдателям.

И он был прав. Выставленные на позиции второго взвода наблюдатели не могли видеть местность даже до балок.

Пришлось отложить ночной прицел и капитану Волченкову.

Он повернулся к командиру роты:

– Плохо, Адан, ни черта не видно. Запроси лейтенанта Басара, как у него дела?

– Да все нормально, Юра, если бы было что-то не так, Басар сам доложил бы, а если подошли моджахеды, то мы услышали бы стрельбу.

– Когда начнется стрельба, поздно будет.

– Но пока все тихо!

– Вот именно, что пока. Запроси!

– Хорошо.

Капитан Сабир приказал связисту:

– Вызови Басара! Узнай, что у него.

– Есть.

Вскоре связист доложил:

– Лейтенант Басар доложил, что отделения благополучно вошли в балки, начали их осмотр. После чего выйдут на участок между ними.

Сабир посмотрел на Волченкова:

– Вот видишь, все идет по плану.

– По плану, Адан, наблюдатели и мы должны контролировать обстановку у балок, а это невозможно.

– И что?

– Отзывай отделения.

– Но почему? Мы не видим долину, боевики тоже не видят. Наши бойцы, считай, у позиций роты, боевикам же надо пройти более пяти километров, если они решатся на вылазку. Но какая может быть вылазка в такую погоду?

– Какая, спрашиваешь? Очень даже эффективная. В непогоду только и совершать рейды, потому что можно близко подойти к позициям.

– Что это даст?

– Расстрел техники из гранатометов.

– Но и гранатометчики не увидят целей.

– Пока идет дождь. А перестанет?

– Ты преувеличиваешь опасность. Отделения Басара продолжат разведку, вот для них сейчас самая подходящая погода.

– Значит, ты принял решение?

– Да, принял! И не надо меня отговаривать. Скажу больше, я подумал и решил, что после двух часов, не отводя людей Басара, направить в балки сапера рядового Баши, и с ним еще четверых бойцов со взрывчаткой. До рассвета они успеют пробить в грунте на участке между балками траншею. С утра же перебросим туда по отделению первого и третьего взводов, чтобы оборудовали блиндаж, тем более что для этого у нас есть все необходимое. Там, в балках и между ними, встанет второй взвод и персы. Нечего им в резерве сидеть. На передовой самое место. Туда же подведем БМП и на прежние позиции выведем танк, капонир для которого расширит тот же сапер. И получится, что рота продвинется вперед почти на километр.

– Тебе не терпится отчитаться перед командованием?

– И это тоже. Но главное, сначала мы зайдем более выгодные позиции.

– Это ошибка, Адан.

– Я так не считаю.

– А мое мнение тебя не интересует?

– Оно мне известно, однако решения принимаю я, и я же отвечаю за роту.

– Думаю, что и капитан Давари будет против твоего ре-

шения.

– Сколько угодно. И давай закончим на этом.

– Ну что ж, будем надеяться, что твои действия не приведут к плачевным результатам.

Сабир неожиданно улыбнулся:

– Да не волнуйся ты, Юра. Все будет хорошо.

Российский капитан только покачал головой:

– И все же ты допускаешь ошибку.

– Капитан, кто здесь командир?

– Ладно. До чего ж вы упертые ребята.

– Мы такие. Ты лучше скажи, как думаешь, не выставить ли все же Басару дозорных наверху?

– А смысл? Если «духи» рядом, они их снимут без проблем.

– Опять ты за свое, какие «духи»? Игиловцы у себя на хребте или за хребтом. Спят спокойно.

Волченков пропустил слова Сабир мимо ушей:

– Дозорных выводить наверх, в долину, смысла нет, а вот поднять пару солдат по каждому склону обеих балок, дополнительно к передовым дозорам, надо. Но так, чтобы их со стороны видно не было, а они могли видеть ближайшие подходы к балкам со всех сторон.

– Вот. Это другое дело. Здесь ты полностью прав. Связист!

– Да, господин капитан, – ответил сержант Суни Данури.

– Связь с Басаром.

– Сами будете говорить?

– Да!

– Вызываю!

Сабир прошел к связисту.

Волченков вновь попытался осмотреть местность, та же картина, рябь в прицеле.

– Черт! Не видно ни хрена.

Тревога, зародившаяся в груди боевого офицера, не давала покоя. Юрий интуитивно чувствовал: что-то произойдет.

А может, он действительно преувеличивает опасность? Игиловцы не могут знать о выходе второго взвода и потому не будут высылать сюда свою группу. Для уничтожения техники погода самая неподходящая. И дождь начался не сейчас.

И все же тревога не уходила. Капитан приготовил автомат, поставил его на предохранитель. Быстрее бы уж заканчивалась эта проклятая ночь. И этот дождь. Но дождь только усиливался, превращаясь в ливень.

Волченков слышал, как Сабир приказал Басару поднять к вершине бойцов охранения. Ну хоть это. Ближние подходы будут под контролем.

Ливень помог боевикам подойти к западной балке, где работало отделение под командованием заместителя командира взвода, почти вплотную, на расстояние до тридцати метров. На рубеж подготовки атаки. Там Хакил остановил группу, приказав рассредоточиться вдоль всей балки. Вызвал на

связь аль-Диаба:

- Слушаю!
- Мы на исходном рубеже!
- Отлично! Приказ – атака!
- Слушаюсь!

Хакил переключился на пулеметчика:

- Стрелок! Рысь!
- На связи.
- Ты еще не на месте?
- Только вышли. Хотел доложить, ты опередил.
- Сколько времени потребуется, чтобы подготовиться?
- Да мы уже готовы.
- Ты видишь балки?
- Вижу.

Дождь резко пошел на спад. Сегодня погода творила чудеса, словно по заказу игиловцев.

– Сейчас вижу. Минуту назад в обзоре была только половина участка.

– Да, Хакил, заметил, что на вершине появились наблюдатели?

– Заметил. Это уже ничего не меняет.

– С ослаблением дождя бойцы окажутся в зоне видимости наблюдателей с основных позиций роты.

– И это ничего не изменит. Преследовать нас не будут. Пешком бессмысленно, а выводить технику – значит подставлять ее под гранатометы.

– А у нас есть «РПГ»?

– Нет, но об этом Сабир со своим русским советником не знают.

– Ты прав.

– Приготовься. Через минуту мы начинаем атаку!

– Да, Али. Мы с Алимом готовы.

– Когда стрелять, помнишь?

– У меня хорошая память.

– Хорошо. Да поможет нам Всевышний.

– Аллах акбар, Али!

Отключив радиостанцию, Хакил передал по шеренге:

– Амину, Гауру, Мурафу и Чарану уничтожение наблюдателей неверных. Остальным приготовить гранаты «Ф-1».

По цепи прошло в ответ:

– Готовы.

Хакил отдал короткую команду:

– Всем! Атака!

Тишину ночи разорвали короткие очереди автоматов. Но уничтожить всех наблюдателей боевики не смогли. Только один получил пулю в голову, второму наблюдателю из ближней балки пуля попала в руку. Бойцы восточной балки успели укрыться. После очередей восточная балка огласилась разрывами мощных оборонительных гранат.

Послышались крики отчаяния и стоны раненых.

На высоте выругался Волченков:

– Твою мать, доигрались!

Сабир растерянно смотрел в бинокль на грибы взрывов, поднявшиеся над западной балкой.

– Адан! – крикнул ему Волченков.

– Да?!

– Срочно связь с Басаром!

Но связист уже сам выполз (почему-то выполз, а не вышел) из своей каморки на КНП:

– Господин капитан, лейтенант Басар.

Сабир находился в шоке. Никак не отреагировал на связиста.

Волченков поспешил к ротному, с противоположной стороны к командиру бежал его заместитель Юнис Маджид.

Юрий опередил сирийца, схватил гарнитуру:

– Второй! Я – Полоз!

– Полоз, где Первый?

– Я за него.

– Мы атакованы, Полоз!

– В курсе. Слушай меня, Второй, попытайся связаться со своим заместителем, уточни потери.

– Какая связь, Полоз?! Я вывожу отделение на равнину. Пойдем к бойцам второго отделения, контратакуем противника. Его позиции в двадцати пяти – тридцати метрах от западной балки.

Боевиков немного, человек десять-пятнадцать. Мы уничтожим этих шакалов.

– Все сказал?

– Да!

– А теперь выдохни воздух и успокойся. Никаких резких движений. Никакого выхода на равнину.

– Но в западной балке умирают мои люди.

– Ты хочешь, чтобы и те, что находятся с тобой, погибли? «Духи» обязательно выставили где-нибудь поблизости мобильную огневую группу или организовали огневую точку. Вылезете – всех вас положат из пулеметов. Ты понял меня, лейтенант?

Волченков перешел на открытый текст.

– Но мои бойцы в западной балке.

– Всех не могли уничтожить. Прояви выдержку, уверен, совсем скоро выжившие, возможно, раненые проявят себя.

– Ждать, когда боевики ворвутся в балку и всем отрежут головы?

– Выставь своих людей на западный склон, открой огонь по позициям боевиков, отправь кого-нибудь смотреть в направлении хребта, где-то там огневая группа или точка противника.

– Мы из нашей балки не удержим даже малочисленную группу боевиков.

– Задержите ее. Всего несколько минут. Ты понял, Омар, всего несколько минут, я сейчас, я быстро!

– Что значит вы?

– Поддержу вас!

Отложив гарнитуру, Волченков, едва не сбив заместителя

командира роты, рванул по склону к ближайшей БМП первого взвода. Механик и наводчик находились на месте.

Капитан запрыгнул в люк командира, приказал:

– Механик, заводи! Наводчик, оружие и пулемет к бою!

Рядовые не знали русского языка, но поняли, что от них потребовал русский капитан.

БМП взревела дизелем.

За время нахождения в Сирии Волченков выучил несколько сирийских фраз и слов:

– Механик, ориентир левая балка. Там рубеж боевиков.

Туда, вперед!

Механик-водитель кивнул, схватился за штурвал.

БМП-2, буквально выпрыгнув из укрытия, пошла в указанном направлении.

Волченков взглянул на наводчика.

Тот кивнул – без слов понял, что от него требуется.

БМП открыла огонь из скорострельной пушки, обойдя позиции второго взвода. Грибы разрывов тридцатимиллиметровых снарядов выросли вдоль левой стороны балки, отсекая от нее приготовившихся к броску игольцев. Этого Хакил не ожидал.

Наводчик БМП сместил огонь левее. В зону обстрела попал центр группы бандитов и их правый фланг.

Волченков не спешил. Он приказал наводчику:

– Пулемет!

Ударил «ПКТ» – наводчик мгновенно реагировал на команды российского офицера.

Пулеметный огонь оказался эффективным. Он пропорол всю линию боевиков.

Напрасно открыл ответный огонь пулеметчик диверсионной группы. Пули «ПК» мелкой дробью ударили по броне.

– Оружие, стрелок, зона двести метров вправо, – крикнул Волченков.

Ударила скорострельная пушка, разорвавшая в клочья и Омана, и не успевшего сделать ни единого выстрела автоматчика Алима.

Увидев это, Волченков крикнул:

– Стой!

БМП словно уперлась в стену. Встала, закачавшись, как лодка на воде.

– Здесь! – отдал команду Волченков.

Вырвал из кармана радиостанцию:

– Рысь! Полоз!

– Да, капитан?

Теперь уже открытым текстом говорил лейтенант.

– Пулеметная позиция уничтожена. Свяжись с экипажем, мы понимаем друг друга, но плохо, передай приказ прикрывать меня! Твоим людям прекратить огонь. Но смотреть за позициями «духов». Если кто проявится, гасить!

– А вы куда?

– Ответил бы я тебе, – проговорил Волченков, спрыгивая

с БМП, – смотри за «духами» и прикрывай! А я... неважно!

– Можно мне людей в западную балку отправить?

– Можно, Омар, Машку, да и то не везде. Отправляй, но человек пять, остальным держать на прицеле позиции боевиков. И не забудь предупредить о прикрытии наводчика БМП.

– Понял, выполняю!

– Выполняй, друг, выполняй, – проговорил Волченков, пряча радиостанцию и снимая с предохранителя автомат.

Он вышел к позициям игиловцев с фланга. Первые пять боевиков были буквально разорваны на куски прямым попаданием снарядов орудия БМП. Дальше – целые трупы, и только на дальнем фланге – вроде как стоны. Несмотря на разгром банды, от укрытия к укрытию Волченков перемещался осторожно. Выстрелить мог и раненый. А погибать после того, что сделал, не хотелось совершенно.

И осторожность, выработанная в боях, сыграла свою роль. Волченков, пройдя больше половины позиции боевиков, боковым зрением заметил легкое движение за валуном. И прыгнул в сторону. Тут же место, где он находился секунду назад, прошила автоматная очередь, подняв фонтаны пыли. Капитан выстрелил в ответ и перебрался за камень. Стрелявший, видимо, потерял его из виду. Он был ранен и не мог быстро перемещаться. Этим и воспользовался капитан. Он бросился к валуну. Поднявшийся ствол автомата он выбил ногой и прыгнул за валун, резко обернувшись. У земляной глыбы сидел боевик с простреленными ногами и поврежден-

ной кистью левой руки. Он был бледен. Grimаса боли блуждала по его физиономии. Он пытался достать пистолет, но Волченков его опередил. Впрочем, это не составило особого труда. Боевик находился на грани потери сознания. Прозвучала очередь из дальней балки, и поднявшийся было вопль слева затих. Капитан включил радиостанцию:

– Лейтенант! Капитан!

– Да, капитан!

– У меня тут тяжелораненый, похоже, главарь банды. У него дорогая японская радиостанция, крупная длинная цепь и золотые часы. Давай своих парней на позицию «духов». Сам с санинструктором ко мне, остальным на зачистку!

– Понял! Идем!

Волченков не успел положить обратно станцию, как справа возник человек в черной форме.

Волченков крутанулся, направив автомат на этого человека, но услышал:

– Не горячись, капитан. Я – Реза Давари!

Командир взвода иранской гвардии.

Юрий облегченно вздохнул, опустил автомат:

– А ты-то как здесь оказался? Сабир послал?

– Сам взвод повел, когда увидел, что шакалы атакуют бойцов второго взвода в балке. Не давать же им уничтожить весь взвод? А тут ты на БМП. Скажу прямо: впечатлило! А главное, ты все вовремя сделал, непонятно только, чем занимался капитан Сабир?

– Он немного растерялся, Реза! Да и было отчего.

– Но ты же не растерялся?

– Кто-то должен был не растеряться. Ты тоже, например.

Ладно. Где там люди Басара?

– Идут! А это кто? – кивнул он на раненого.

– Догадайся!

– Похоже, их главный!

– Думаю, да. Ему нужна помощь. Где же, черт возьми, санинструктор?

– Я своего позову.

– Давай. Без разницы, кто, но этого шакала надо вырвать из лап смерти. Он много чего интересного может рассказать.

Давари вызвал санинструктора, подошел и медик сирийцев. Они оба взялись за раненого. Документов при нем, понятно, не было.

Подошел и лейтенант Басар.

– Что в балке? – спросил Волченков.

– Из десятирех четверо уцелело, шестеро, в том числе и замкомвзвода, погибли от осколков.

– А четверо целы?

– Двое ранены, двое контужены. А вот и ротное начальство.

На позиции появился командир роты. Он уже пришел в себя.

– Спасибо, Юра, – пожал капитан руку Волченкову, – если бы не ты... А я подам рапорт на увольнение. Пусть отдадут

под суд военного трибунала.

– Не суетись, Адан. Да, ты допустил ошибку, но не имел информации о встречном выходе противника в долину. О том, чтобы здесь создавать новый рубеж, речи вести не стоит. В отчете укажи, что взвод проводил разведку ближайших подступов к позициям, а также возможность дальнейшего развития наступления. Это нормально, такие рейды проводятся часто. А то, что «духи» оказались у позиций, говорит о том, что они знали о разведывательном рейде. Вот об этом обязательно предупреди комбрига. В роте предателя быть не может, отсюда практически невозможно передавать данные врагу, значит, «крот» сидит в штабе бригады. У нас главарь. Возможно, узнаем, откуда у аль-Диаба информация о наших ночных мероприятиях. И команду ротой, капитан!

– Ты поддержишь меня?

– Поддержу.

– Я подам рапорт не об увольнении, а с ходатайством о награждении капитана Волченкова, умелыми и решительными действиями которого была уничтожена крупная банда игиловцев.

Волченков отмахнулся:

– Не надо ничего, Адан! Давай-ка отводи людей, а то «духи» прочухают, что их диверсионный отряд разгромили, выдвинут на позиции минометный взвод, и тогда нам здесь всем несладко станет.

– Да, капитан.

Забрав тела убитых товарищей и раненых второго взвода, подразделение иранской гвардии и БМП-2 отошли на исходные позиции.

Сабир попросил Волченкова зайти на КНП.

– Скажи, Юра, как построить доклад комбригу?

– Я уже говорил. Ты по согласованию со мной решил провести ночную разведку прилегающей к позиции территории. В ходе разведки взвод, выполнявший рейд, был внезапно атакован бандой игиловцев численностью в пятнадцать человек. В ходе боя боевики были уничтожены, один из них, скорее всего командир, что уточняется, раненым взят в плен. Потери взвода... ну ты сам знаешь, какие потери понес взвод Басара. Для встречного боя это потери небольшие, как бы кощунственно это ни звучало. Все могло закончиться гораздо хуже. Но благодаря личной храбрости солдат взвода, умелому командованию лейтенанта Басара, своевременному вводу в бой дополнительных сил достигнут тактический успех. Обо мне не говори, это ты послал БМП и вообще осуществлял руководство отражением внезапного нападения игиловцев. Это должен подтвердить я, твои взводные, капитан Давари. Поговори с ними. В принципе твоей растерянности, кстати, объяснимой растерянности, никто, кроме меня, заместителя и связиста, не видел. Так что докладывать о том, что в какой-то момент ты утерял управление ротой, не следует. Это в первую очередь хороший урок для тебя, в следующий раз будешь продумывать все варианты возможного

развития событий. Ты хороший командир, офицеры и солдаты тебя уважают, но наступательные бои ты ведешь впервые после долгих лет тяжелой обороны. Это боевой опыт, Адан.

Сабир вновь пожал руку российскому капитану:

– Спасибо, Юрий Георгиевич, никогда не забуду твоего благородства, но укажу правду: ты решил исход боя и должен быть награжден.

– Это твое право, я ни на чем не настаиваю. Дело – в другом.

Сабир удивился:

– Что ты имеешь в виду?

– Скоро «духи» узнают о гибели диверсионной группы, если уже не узнали, это вызовет ярость у главаря аль-Диаба, и он обязательно выведет на позиции огневой взвод. Поэтому следует немедленно отвести всю технику с позиций на расстояние, недостижимое для игиловских «М-120». Бойцов – в укрытия, нам оставить КНП и также укрыться на тыловой стороне высоты. И это надо сделать немедленно, Адан. Иначе «духи» могут уничтожить часть боевой техники, а вот этого, несмотря на начальный тактический успех, командование нам не простит.

– Я понял тебя. Связист!

– Я, – ответил появившийся сержант Суни Данури.

– Передать приказ во взводы: технику вывести из капо-ниров и отвести на глубину в километр в зону недостижимости игиловских минометов, личный состав в укрытия, оста-

вив на позиции минимум наблюдателей. Заместителю быть на тыловой стороне высоты, туда же спустимся и мы. Вопросы есть?

– Никак нет, господин капитан.

– Выполнять. И будь пока на месте, мне еще в бригаду доклад передать надо. Потом пойдем в безопасное место, посмотри, что взять с собой.

– Понял, господин капитан.

Связист ушел. Буквально через пять минут БМП, танки, автомобильные тягачи, имеющие на прицепах полевые минометы, взревели двигателями и начали отход.

Сабир в сопровождении Волченкова зашел на узел связи.

– Дай-ка мне дежурного по бригаде!

Оперативный ответил тут же:

– Пальмира!

– Я – Евфрат, кто-нибудь из командования на месте?

– Только я и дежурный по штабу.

– Примите доклад о проведенных мероприятиях.

– Включаю запись, докладывайте, Евфрат!

Сабир слово в слово передал то, что посоветовал Волченков.

– Это же ЧП! – воскликнул оперативный дежурный.

– Поэтому-то я и спросил, есть ли в штабе кто-нибудь из командования.

– Передаю информацию комбригу! Ожидайте его вызова.

– Через десять минут, не раньше, я меняю место дисло-

кации.

– Хорошо. До связи.

Сабир кивнул связисту:

– Сворачивай станцию, внизу развернешь, будем ждать вызова командира бригады. Что у тебя еще надо взять?

– Компьютер, портативную станцию, спутниковую.

– Давай, поможем.

Офицеры упаковали аппаратуру, и группа управления спустилась к подножию склона высоты Астара.

Напрасно связист Самера аль-Диаба пытался вызвать Хакила. Он вновь и вновь кричал в микрофон:

– Рысь! Я – Шаран, ответь! Рысь, ответь!

В эфире молчание.

Боевики на хребте слышали приглушенные взрывы, это их не удивило – диверсанты должны были начать атаку с применения гранат. Но вот буханье орудия боевой машины пехоты взволновало их. Диверсанты выходили в рейд без боевой техники. Возникал вопрос: откуда стрельба пушки БМП? И Хакил молчал.

На наблюдательный пункт поднялся заместитель Самера аль-Диаба, Аббас Фаур.

– Плохие новости, Самер.

– Говори, – отозвался главарь.

– Водители оставшихся в овраге пикапов в начале нашей атаки поднялись наверх. Сначала они ничего не видели из-

за дождя, потом, когда дождь стих, они увидели вышедшую с позиций неверных БМП. Она расстреляла в упор из скорострельной пушки и пулемета группу Хакила. Затем на позиции наших воинов вышли остатки взвода, проводившего разведку, и персы. Очевидно, Самер, что группа Хакила уничтожена. Трупы видели водители.

– Как они могли подробно видеть то, что происходило в балках?! – нервно вскрикнул аль-Диаб.

– У них были при себе мощные ночные бинокли.

– Где эти водители?

– Я приказал им вернуться!

– Как прибудут – ко мне!

– Да, конечно!

– Значит, проклятые неверные переиграли нас?

– Придется признать это. Боевые возможности правительственных войск, к сожалению, благодаря русским растут. И мы ничего с этим поделать не можем.

– Ты считаешь, что это русский раскрыл наш замысел?

– Мог и перс, что командует взводом. Персы умелые воины.

– Твари они, собаки!

– Согласен, но это не умаляет их достоинств.

Аль-Диаб сплюнул на землю. Взглянул на заместителя:

– И какого шайтана ты до сих пор здесь?

– А где я должен быть? – удивился Фаур.

Аль-Диаб заорал, сорвавшись:

– Срочно вывести на боевые позиции к Черному холму минометную батарею и открыть по позициям неверных беглый огонь! За развалины вывести танковый взвод, ему обстрелять высоту Астара и позиции взводов! Накажем неверных, Фаур! Они должны заплатить большую цену за содеянное!

– Но, Самер, ты же сам говорил, что командующий запретил применение минометов и танков даже в демонстрационных целях, в отвлекающем маневре.

– Тогда была другая ситуация. Тогда были живы воины Хакила и он сам. Теперь обстановка изменилась, и не отреагировать на действия неверных мы не имеем права.

– Может, вы сначала свяжетесь со штабом в Таре?

– Выполнять приказ! – заорал Самер аль-Диаб. – Немедленно!

– Слушаюсь.

Спустя тридцать минут по позициям сирийской роты открыли огонь все восемь минометов «М-120» и четыре танка, выведенные на позиции.

Грибы разрывов накрыли высоту Астара, позиции роты. Но бойцы были надежно укрыты, техника отведена – игиловцы тщетно тратили снаряды и мины.

Находившиеся за холмом капитан Сабир, Волченков, старший лейтенант Маджид и сержант Валар заложили уши, чтобы не оглохнуть. Рядом, несмотря на грохот, санинструктор сержант Весам Хайдур оказывал помощь захваченному

Хакилу.

Сигналом вызова сработала ротная радиостанция.

Связист ответил и, тут же прикрыв трубку ладонью, крикнул ротному:

– Господин капитан, на связи командир бригады!

Сабир взял трубку:

– Евфрат!

– Пальмира, что у тебя происходит?

– О бое в долине вам уже доложили?

– Да, я спрашиваю, что сейчас происходит, я слышу разрывы снарядов.

– Так точно, опомнившиеся боевики вывели на позиции минометную батарею и танковый взвод. Сейчас они обстреливают позиции роты.

– Они не сожгут технику?

– Никак нет, Пальмира! Техника отведена на километр в тыл. Ни минометы, ни танки ее не достанут. Личный состав в укрытиях. Боевики тратят мины и снаряды, не нанося нам ущерба. Не исключено, что им удастся разбить КНП, но это поправимо.

– Значит, говоришь, минометы и танки?

– Так точно.

– Координаты позиций батареи и танкового взвода дать можешь?

– Это квадрат...

– Минуту.

Комбриг, видимо, посмотрел карту:

– Значит, это до хребта?

– Так точно.

– Своими «Т-72» не пытаешься достать их танки и батарею?

– Никак нет. Это бесполезно.

– Ты прав.

– Кроме того, батарею прикрывает Черный холм. Он вообще сильно мешает нам, так как загораживает восточный проход – единственное место, где рота при поддержке авиации или реактивной артиллерии может прорвать оборону игиловцев и выйти к высоте Джатель, развивая наступление на Тару.

– Авиация, говоришь? Это мысль. Держитесь, до связи!

– До связи!

Сабир вернул гарнитуру связисту.

Волченков спросил:

– Что, Адан?

– Комбриг затребовал координаты вражеской батареи и танков.

– Планирует нанести удар «Градами»?

– Не знаю, не уточнил, а вот применение авиации его заинтересовало.

– Так, реактивная батарея сейчас стоит в пяти километрах севернее поселка Саар, от Саара до наших позиций семнадцать километров, от нас до позиций «духов» где-то около

шести, итого выходит порядка тридцати километров. Максимальная дальность стрельбы «Града» осколочно-фугасными снарядами около сорока километров. Системы достанут «духов» легко, вот только танки они не уничтожат, это не бэтээры, а минометная батарея. Она закрыта холмом, расчеты побить может, поджечь тягачи. Неэффективно.

– Комбригу видней!

– Это понятно. Что ж, подождем, посмотрим, что он придумает.

Дальше все произошло очень быстро. Спустя двадцать пять минут в небе послышался звук реактивных двигателей самолетов. Их было как минимум два. Из-за облаков самолетов не было видно. Да и шли они на приличной высоте, дабы не попасть под огонь переносных зенитно-ракетных комплексов. О наличии таковой информация у ротного отсутствовала, но это не тот уровень, чтобы знать все о вооружении крупной группировки ИГИЛ, обороняющей целое направление. Еще не стих характерный звук самолетов, как над развалинами у подножия хребта поднялись огненные смерчи разрывов авиационных бомб. Стало ясно: работает пара российских фронтовых бомбардировщиков «Су-24». Отстрелявшись на первом заходе, они на какое-то время ушли в сторону. Пропал и звук двигателей. Ненадолго. Спустя еще минут десять такие же огненные смерчи возникли за Черным холмом.

Самолеты, сбросив бомбы, ушли на восток, к авиабазе.

Огонь игиловцев прекратился. Над холмом и развалинами поднимался черный дым. Он был виден даже на фоне ночного горизонта.

Волченков взглянул на Сабира:

– Вперед, Адан, наверх, на КНП, если там что-то осталось, посмотрим результаты авианалета.

Сабир кивнул и бросил связисту:

– Ты с нами!

– Есть, господин капитан.

Оставив заместителя командира роты у подножия холма, командир роты, советник и сержант поднялись по тропе наверх. Как ни странно, снаряды и мины срезали переднюю часть вершины, наделав воронок на восточной вершине, но не задели командно-наблюдательного пункта. Офицеры и сержант прошли на КНП. Данури присел в углу, приготовил радиостанцию. Сабир и Волченков подошли к амбразурам, миновав перевернутый стол, стулья, подставку для карты. Российский капитан поднял ночной бинокль. У Сабира он оказался разбитым. Где и когда, ротный не помнил.

Сплюнув от досады, он спросил Волченкова, рассматривавшего район хребта:

– Ну что там, Юр?

– Так, по танкам. Два горят, у одного сдетонировал боекомплект и вывернуло башню, четвертый отползает к проходу. Он поврежден, но еще на ходу. Пушка упала, значит, сорваны стабилизаторы. Потребуется серьезный ремонт. Ми-

нометная батарея. Отходят три машины с прицепными минометами, как уцелели – непонятно. Еще два миномета катят вручную боевики. Итого получается, бомбардировщики уничтожили три танка, два вот-вот рванут от детонации боекомплекта, и как минимум три миномета. Видимо, на позиции батареи точно легла только одна бомба, и значит, экипажи использовали свободнопадающие, а не корректируемые фугасные бомбы. Эти падают под большим углом, но надо отдать должное пилотам, бомбы положены филигранно. Лучшего результата достичь было просто невозможно. Холм сильно разрушен.

– Значит, боевики лишились четырех танков, если один здорово поврежден, ремонтировать его игиловцам просто негде. Завод находился западнее Тара и был уничтожен все той же российской авиацией еще до выхода основной части авиагруппы. И плюс три миномета.

– Не факт, что два, которые тащат на себе боевики, пригодны к применению.

– Раз тащат, значит, пригодны.

– Спорное утверждение, но будем считать, что бомбардировщики уничтожили три миномета. И четыре танка. Неплохой подарок, учитывая разгром диверсионной группы, заполучил этой ночью господин аль-Диаб. А если еще Диаб вывел минометы и танки на боевые позиции без разрешения аль-Ахдара, то я ему не завидую. Вряд ли командующий простит Диабу такие потери. И потери, считай, на пустом месте.

Сабир поднял стулья, стол, присел, закурил:

– Непонятно, почему командир бригады полковник Ганури до сих пор не привлекал авиацию. Ведь русские пилоты за полгода смели бы все основные опорные пункты противника.

– Потому что, Адан, нельзя!

– Что нельзя?

– Нельзя применять авиацию без корректировщика даже по участку за хребтом. Да и по хребту тоже.

– Но сегодня же применили?

– Применили по целям, которые находились до перевала.

– Ясно. Бить дальше – значит заполучить риск разрушения древних сооружений Пальмиры? Ведь они начинаются практически от крепости на холме Джатель, а до нее какое-то старинное селение, там еще до войны раскопки велись, так?

– Именно, Адан. Хребет тоже может представлять археологическую ценность. Я слышал что-то о пещерах на противоположном склоне. Так что здесь не все так просто.

– Но радует уже то, что собака аль-Диаб хорошенько получил по зубам.

– Радоваться рано. Давай команду на возвращение техники! Сегодня, да и в дальнейшем аль-Диаб, или кто сменит его, вряд ли решится выводить танки и минометы на прежние позиции. Авиация преподала хороший урок боевикам.

– Да, конечно!

– И надо пообщаться с захваченным игиловцем. Думаю,

это он командовал группой, а значит, знает немало.

– Согласится ли отвечать на вопросы?

– Заставим. Значит, ты давай команду на возвращение техники, рассредоточение ее на прежних позициях, если они не разрушены, выставляй усиленное охранение, черт его знает, как воспримет аль-Диаб свое поражение. Подстрахуемся. А потом отдыхать. Мне еще на встречу с Главным военным советником ехать.

– Да, я помню! Связист!

– Я, господин капитан.

Сабир приказал:

– Связь с командирами танкового, минометного взводов и боевых машин пехоты.

– Есть!

– Давай! – сказал Волченков. – Распорядись и подходи к пленному.

– Понадобится переводчик, впрочем, с переводом справится и заместитель.

– Разберемся. Не забудь доложить в бригаду о результатах авианалета.

– Они уже извещены. Экипажи бомбардировщиков доложили.

– Летчики не могли видеть, что они поразили.

Но полковник Ганури опередил ротного, сам вызвав Сабира.

Оставив командира роты на КНП, Волченков спустился к

ПОДНОЖИЮ ВЫСОТЫ.

Глава третья

Российский советник подошел к носилкам, на которые был уложен раненый боевик. Полевую одежду с него срезали, раны перебинтовали, обезболили, накрыли простыней.

Волченков спросил у санинструктора Весама Хайдура:

– Как состояние боевика, сержант?

– Нормально, крови потерял много, хорошо, у меня была плазма. Раны серьезные, но для жизни опасности не представляют. В общем, будет жить. Хотя заслуживает смерти.

– Ты же медик, сержант, тебе нельзя так говорить.

– В отношении этих бешеных собак можно. Они же не люди. Или вы не видели, что они вытворяют с пленными?

– Видел. И все-таки он раненый, а мы – не они. Я могу допросить его?

– Можете.

Санинструктор толкнул раненого:

– Эй, борец за истинную веру, очнись, с тобой русский офицер говорить желает.

Подошел заместитель командира роты. Он переводил допрос.

– Кто ты? – спросил Волченков.

Бандит попытался плюнуть в сторону советника, но слюна повисла на подбородке.

– Понятно! Не хочешь разговаривать. Ладно, это ты сей-

час такой смелый, когда действуют обезболивающие препараты, а вот когда срок их действия пройдет, ты от боли на стену полезешь.

А я помогу тебе в этом. И никто никакой помощи тебе не окажет.

– Будь ты проклят, неверный!

– Вот уже лучше. Теперь назови свое имя, положение в банде.

– У нас не банда, у нас Государство.

– Ну, да, «Государство», конечно, только от этого «Государства» остается все меньше и населения, и территории. Имя, фамилия, должность! Мы все равно узнаем, это не так уж и сложно. На каждого из вас есть информация. Зачем подвергать себя страданиям, даже за веру, если это совершенно бесполезно?

– Я готов умереть. И страдания мне не страшны.

– Смотри какой терминатор.

Старший лейтенант не смог перевести это слово, употребил другое, которое явно польстило боевику:

– Да, я именно такой!

– Но раз страдания тебе не страшны, мы найдем то, что тебя испугает.

Бандит напрягся, искоса взглянул на Волченкова:

– И что же такое, страшнее пытки и смерти?

– Предательство.

– Что ты имеешь в виду, неверный?

– Представь себе, мы знаем, что у нас в штабе бригады работает, вернее, работал ваш человек, его ищут и найдут. Но и в вашей банде вполне может быть наш осведомитель. Кстати, ты женат?

– Женат. У меня две жены, трое детей, и мои дети, сыновья, будут владеть миром.

– Спорное утверждение.

– Зачем ты спросил о семье?

– Плохо ты соображаешь, в принципе это объяснимо, обезболивающие препараты – сильный наркотик, он тормозит работу мозга. Слушай дальше. Ты ничего нам не говоришь, тебя расстреливают. Хотя нет, никто тебя трогать не будет. Просто через нашего человека в вашем штабе появится информация о том, что это ты сотрудничал с правительством Сирии, с ее спецслужбами. Ты сдал нам «крота» в штабе нашей бригады, которого мы вычислим в самое ближайшее время, в этом не сомневайся. Ты же сообщил о выходе группы и передал, какую цель она имеет. Поэтому-то все диверсанты и погибли у балок. Все, кроме тебя одного. Теперь ответь, что станет с твоей семьей? Со всеми твоими родственниками?

Боевик заметно побледнел. Кому, как не ему, было прекрасно известно, как главари бандформирований поступают с семьями и родственниками предателей. Они их подвергают страшным пыткам и показательным казням. Убивают всех – и стариков, и женщин, и детей.

– Ты не сделаешь этого, – проговорил он.

– Почему? А... Понимаю, потому что я офицер регулярной армии, а не бандит, как ты?

Боевик промолчал.

– Но борец за истинную веру и идею всемирного халифата, как у нас говорят, с волками жить – по-волчьи выть.

И это тоже не смог перевести старший лейтенант Маджид. У него вышло, как вы зверствуете, так и мы будем, потому что вы шакалы.

– Ну? Прикинул? Ты можешь избежать и позора, и уничтожения семьи с родственниками.

– У вас ничего не получится.

– Ты это о чем?

– Подставить меня?

– Почему?

– Моему командованию станет известно, что я был захвачен в плен тяжелораненым, в предателей же не стреляют.

– Это смотря кто. По идее, мы своего человека, тебя то есть, не должны подвергать опасности, но ведь есть и твои подчиненные. Как тебе такой расклад? Один из подчиненных понял, что это ты привел группу в капкан. И он решил отомстить тебе за предательство, отсюда и ранение. Мы же бережно вынесли твою персону с поля боя, оказали помощь. Ты же свой, пострадавший от рук врага.

И вновь боевик процедил:

– Будь ты проклят!

– Ну все, шакал, мне надоели эти пустые разговоры. Я передаю тебя в штаб бригады, а там из тебя информацию вырвут и сделают предателем. Так что не будут твои сыновья править миром. Впрочем, они не смогут ничего, если еще выживут. Даю тебе три минуты на размышление.

– А если я отвечу на твои вопросы, тогда что?

– Тогда твое командование узнает, что ты дрался до последнего, а провал акции – случайность. Или представим, что ты погиб со всеми остальными, самого же отправим на российскую авиабазу. Посидишь там, пока от вашей заразы не очистят всю Сирию, и тогда ты вернешься к семье.

– Вы рассчитываете разбить силы ИГИЛ?

– А что, по-твоему, мы делаем? Но предупреждаю сразу, вернешься ты к семье лишь в том случае, если на твоих руках нет крови мирных жителей. Если ты воевал только против законной власти.

– Я не палач.

– Время пошло!

– Не надо времени. Я – командир первой штурмовой группы отряда Самера аль-Диаба, Али Хакил.

– Угу, Али Хакил, хорошо.

– Организационная структура банды или, как ты называешь, отряда?

И вновь у заместителя командира роты возникли трудности с переводом. Но Хакил понял суть вопроса:

– Командир аль-Диаб, заместитель Аббас Фаур. В отряде

три боевые группы по сорок бойцов в каждой. В моей теперь двадцать пять. Еще есть танковая рота, минометная батарея, там командиры часто меняются. В роте девять танков «Т-62» и восемь минометов «М-120». Стрелковое вооружение, в основном русские «АК», меньше винтовок «М-16», пулеметы «ПК». «Браунинги» на пикапах. Пикапы «Тойота», их много, штук тридцать. В отряде есть спецгруппа из наемников, в ней воюют и два чеченца.

– Чеченцы?

– Да! Имен не знаю.

– Значит, они попали к вам из Чечни?

– Нет, по-моему, из Турции, там родились, но имеют родственников в России.

– Какие задачи решает спецгруппа?

– Это мне неизвестно. Она подчинена лично аль-Диабу. Даже Фаур не может приказывать командиру этой группы.

– Сколько человек в этой группе?

– Немного, человек семь. Они недавно в отряде. Их прислал сам командующий обороной направления Фераз аль-Ахдар, очень влиятельный и жестокий человек.

– Ясно. Что еще?

– Все!

Волченков кивнул, присел на корточки перед раненым, закурил сигарету.

Тот сглотнул. Капитан, сделав несколько затяжек, вложил сигарету в рот боевика. Тот выкурил ее в одно мгновение.

– А теперь, Хакил, скажи мне, кто работает на ИГИЛ в штабе бригады. Или в штабе армии.

– В бригаде. Слышал, что это помощник начальника штаба. Больше о нем мне ничего не известно. И как связывается с аль-Диабом тоже.

– В штабе два заместителя начальника и два помощника. Кто из них, не знаешь?

– Нет, но он в хороших отношениях с начальником штаба.

– Ну вот и хорошо. Ты слышал, как летали самолеты?

– Я слышал и самолеты, и взрывы в стороне хребта Ум-гдум.

– Верно. Сообщаю тебе, так, для информации к размышлению насчет того, долго ли продержится ваше «Государство»: у аль-Диаба осталось пять танков и столько же минометов.

– Русские нанесли удар, – выдохнул Хакил.

– Это могли сделать и сирийские летчики.

– Нет, это вы, русские. За каким шайтаном вы пришли в Сирию?

– Чтобы удавить вас, и мы это сделаем.

Волченков поднялся, взглянул на заместителя командира роты:

– Распорядись, Юнис, чтобы пленного доставили в штаб бригады, и передай Сабиру, пусть сообщит о «кроте». Ты слышал, о ком говорил Хакил?

– Слышал и даже знаю, кто эта сволочь.

– Кто же?

– Капитан Джавар Башади.

– Почему ты так решил?

– Потому, что уже месяц, как у начальника штаба один помощник, второго, старшего лейтенанта, раненым отправили в госпиталь. Назначать на его место другого офицера не стали, справлялся Башади.

– Откуда такая информация?

– Начальник штаба мой родственник. Дальний, правда, но иногда звонит. На службе это никак не отражается. Я ездил в штаб, там узнал о Башади. Он так и вьется около подполковника.

– Ясно! Тем лучше. Я на отдых!

– Давайте, капитан, вы много сделали сегодня.

– Перестань. Я сделал то, что должен был сделать.

Остаток ночи аль-Диаб не спал. Пытался найти выход из положения, в которое сам себя загнал. Ярость взяла верх над разумом. Он отдал приказ, который не имел права отдавать. Вывел танки и батарею на огневые позиции. В результате половины танковой роты нет, три миномета уничтожены, сожжены пять тягачей. Потери вместе с группой Хакила – тридцать шесть человек. А что в итоге? Ничего. Но он не мог предположить, что русская авиация нанесет удар по позициям батареи и танкового взвода. Хотя это не оправдание. На то он и командир, чтобы просчитывать все риски. Плохо, что

Фераз аль-Ахдар лично запретил выводить технику на рубежи. Если бы не его приказ, свои действия оправдать можно было легко. Но аль-Ахдар наложил запрет, а аль-Диаб его проигнорировал. В руководстве ИГИЛ был хорошо известен крутой нрав Фераза аль-Ахдара. Тот без раздумий отправит на казнь любого из подчиненных, невзирая на должность и заслуги.

Аль-Диаб сел на кровать. Достал пачку сигарет, закурил, делая нервные затяжки.

К нему в отсек зашел заместитель – уставший, грязный, мокрый. Присел рядом.

Аль-Диаб взглянул на Фаура:

– Что делать, Аббас?

– Не знаю, Самер. Мы нарушили приказ аль-Ахдара. Он этого не простит.

– Ты-то при чем? Ты исполнял мои приказы.

– Если бы кто-нибудь учел это. Тебе не хуже меня известно, что я не должен был исполнять приказ, идущий вразрез с приказом командующего. Но я сделал то, что приказал ты, поэтому ответ держать нам вместе. И, – он вздохнул, – нас ждут плаха и палач.

– Может быть, подумаем и представим что-нибудь в оправдание?

– Я не знаю, что можно придумать.

– Думай, Аббас, думай. Ладно, если бы нам предстояло принять смерть в бою – это ничего, но казнь? Это позор. По-

зор на весь род!

– Но я не знаю, что придумать, – в отчаянии произнес Фаур. – Единственное... – он замолчал, как-то нервно всхлипнув.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.